

ИЗВЕСТИЯ

Культура

PHILIP MORRIS
В ПОДДЕРЖКУ
КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВА

Звезда

Нина АНАНИАШВИЛИ:

Известия - 1998 - 9 янв. - с. 6

Сны о Японии на фоне московских морозов

— Сегодня на вас современный наряд. Как необычно он сочетается со старинным колье!

— Это костюм японского модельера Дойджи Ямамоту. Мне очень нравятся его вещи. Что же касается колье, то его мне подарила еще бабушка — это грузинское серебро.

— Для вас символично такое сочетание?

— Никогда об этом не задумывалась, хотя и Грузия, и Япония мне очень дороги, меня там очень любят. Порой часа полтора-два после спектакля там приходится раздавать автографы. Во время последних моих гастролей в Японии среди огромной очереди почитателей материализовались две маленькие девочки и стали вместе без запинки читать мне по-русски: «Нина, спасибо вам за ваш спектакль...». На них со всех сторон напирает возмущенная толпа — а они стоят железно. Я подумала: наверное, не один день учили труднопроизносимые русские слова. Это было очень трогательно. В другой раз мы с моим партнером Алексеем Фадеечевым вошли в токийское метро — чувствуем необычное оживление вокруг. Вдруг со всех сторон стали подходить и просить автограф. Алексей говорит: «Нина, с тобой просто никуда невозможно выйти».

Грузинские и японские традиции очень близки. Мне говорят: японцы находят тебя похожей на

них самих, поэтому очень любят. Так же, как и у нас в Грузии, там воспитывается уважение к старшим, к женщинам. Подать женщине руку или пропустить ее вперед — это не должно быть чем-то сверхъестественным. Сейчас я очень редко вижу, чтобы где-нибудь в магазинах держали за собой дверь. Идут, и наплевать, что эта самая дверь с лязгом хлопнет перед носом входящего. Это не мелочи — это воспитывается в семье. И очень плохо, что никто не думает о своем же будущем.

— Алексей Ратманский недавно поставил специально для вас балет «Сны о Японии».

— Да, я давно хотела сделать подарок для Японии. После первой его постановки для меня — она называлась «Прелести маньеризма» — я попросила его сделать балет на японскую тему. Так появились «Сны о Японии» — конечно, прямого отношения к пластической традиции кабуки этот цикл не имеет, но все же в основе лежит принцип сопоставления миниатюр. Во время десяти гала-концертов в Японии в январе спектакль будет сопровождаться ансамблем национальных инструментов, а на премьере в Большом театре 7 января эти инструменты заменил симфонический оркестр.

— У вас уже давно есть имя за рубежом. Что заставляет вас оттуда снова и снова возвращаться в Россию?

— Мне этот вопрос чаще задают там. Американцы из труппы АВТ, с которой у меня контракт, всегда встречают меня словами: «Добро пожаловать домой». Но мой дом — это Москва и Тбилиси, это Большой театр. Там, за рубежом, не могут понять, что времена изменились и тем звездам, которые уехали, тогда был закрыт путь обратно. Тогда они стояли перед серьезным выбором. К великому счастью, в наше время нет необходимости оставаться там, потому что всегда можно вернуться домой. Где бы я ни находилась, как бы хорошо и интересно мне не было — через месяц мне уже хочется домой. Мне тяжело без дома. Без моего родного класса в Большом, где мои педагоги мне всегда скажут: «Ну вот, потанцевала, а теперь давай снова учиться». На Западе не верят, что в бывшем СССР может быть хорошо — по их мнению, это просто невозможно. Я объясняю им, что дом зависит от хозяев. Мне сейчас интересно в Большом театре — я танцую все ведущие партии в классических балетах, о которых мечтала. А введение Васильевым контрактной системы мне многое облегчает — теперь я всегда знаю на сезон вперед, где и когда я занята в Большом, и планирую остальные свои выступления. В один вечер с балетом «Сны о Японии» в нашем театре я танцую балет Баланчина «Мощартмана» на музыку Чайковского

— это позднее сочинение Баланчина, одна из его лебединых песен. Для работы над его постановкой специально прилетела Сюзен Фаррелл — любимица хореографа, для которой этот балет и был поставлен. «Мощариана» интересна тем более, что, кроме «Блудного сына», в Большом театре ни одного балета Баланчина не было. Вообще для меня он никакой не Джордж Баланчин, а Георгий Баланчивадзе. В Тбилиси он жил совсем недалеко от дома наших родственников.

— Нина, ваши родители до сих пор живут в Тбилиси, вы часто бываете там?

— Да, я стараюсь чаще бывать там. Но если удастся побывать там в году 2–3 раза, то это хорошо. У меня добрые отношения с Тбилисским театром оперы и балета. Года три-четыре назад было очень трудно — денег в театре не было никаких, а свет давали только во время наших выступлений — мы давали благотворительные концерты, причем таким гала мог бы позавидовать любой европейский театр: выступали прима Мариинского театра Татьяна Терехова, Вадим Писарев и Инна Дорофеева (мы специально привозили их тогда из Германии), из Сан-Франциско приезжал Юрий Посохов, из Большого были мы с Фадеечевым и Нико Цискаридзе — всех не перечислить. Теперь их считают там родными, ведь тогда театр был сохранен благодаря

этим гала-концертам. И сейчас, вы не представляете, какие спектакли они ставят — это одно удовольствие.

— А ваш супруг выполняет роль и вашего продюсера.

— Да. И я счастлива, что жизнь нас так свела. Часто бывает — семьи рушатся, когда муж увлечен своей профессией и не понимает свою жену. Я все время на людях: приемы, встречи, конференции и премьеры — это часть моей профессии. Если бы человек, любя меня очень сильно, постоянно ревновал бы, устраивал бы сцены: «Почему ты туда пошла? Как мне надоел твой театр!», — то, как бы сильно я не любила этого человека, стоял бы выбор — либо он, либо профессия. Но мой супруг любит и меня, и мою профессию. Иногда я даже думаю, что он любит больше мою профессию — трудно понять человека, который, придя с балетной премьеры, садится смотреть другой балет в видеозаписи. По своим знаниям он вполне может тягаться с лучшими балетными критиками мира. Потом, он профессиональный юрист и знает много языков. Разбирается во всех тонкостях контрактной системы. На Западе довольно осторожно относятся ко всякого рода посредникам и агентам, но всем понятно, что мой муж не заинтересован в баснословных процентах и он надежен. Впрочем, он не только мне помогает, он абсолютно

бескорыстно помогает и моим друзьям из Большого и Мариинки, из Датского королевского театра и театра в Хьюстоне.

— В балетном мире, наверное, как нигде, существует жесткая конкуренция?

— Конкуренция существует, но это не соревнование в общепринятом смысле. Ведь балет — это искусство, а в искусстве все очень субъективно. На Западе критерии очень жесткие — можешь собрать зал или нет. Ведь зритель не будет просто так выкладывать 150 долларов за билет, который ему не нужен.

— Правда ли, что вы за одну ночь смогли «продать» весь зал Метрополитен-опера?

— Да, это произошло случайно года четыре назад. Балерина внезапно заболела, и я ее заменила — об этом появилась маленькая заметка в вечернем выпуске «Таймс». Буквально за ночь все билеты были распроданы до единого. У меня уже давно есть выбор: куда ехать и где танцевать. Я благодарна Богу за то, что мне приходится танцевать на лучших сценах мира. Рождество — мой любимый праздник, и после премьер, о которых я уже говорила, я отправилась в Хьюстон, где хореограф Бен Стивенс ставит балет «Снегурочка» на музыку Чайковского. Мне он доверил роль Снегурочки.

Михаил МАЛЫХИН.

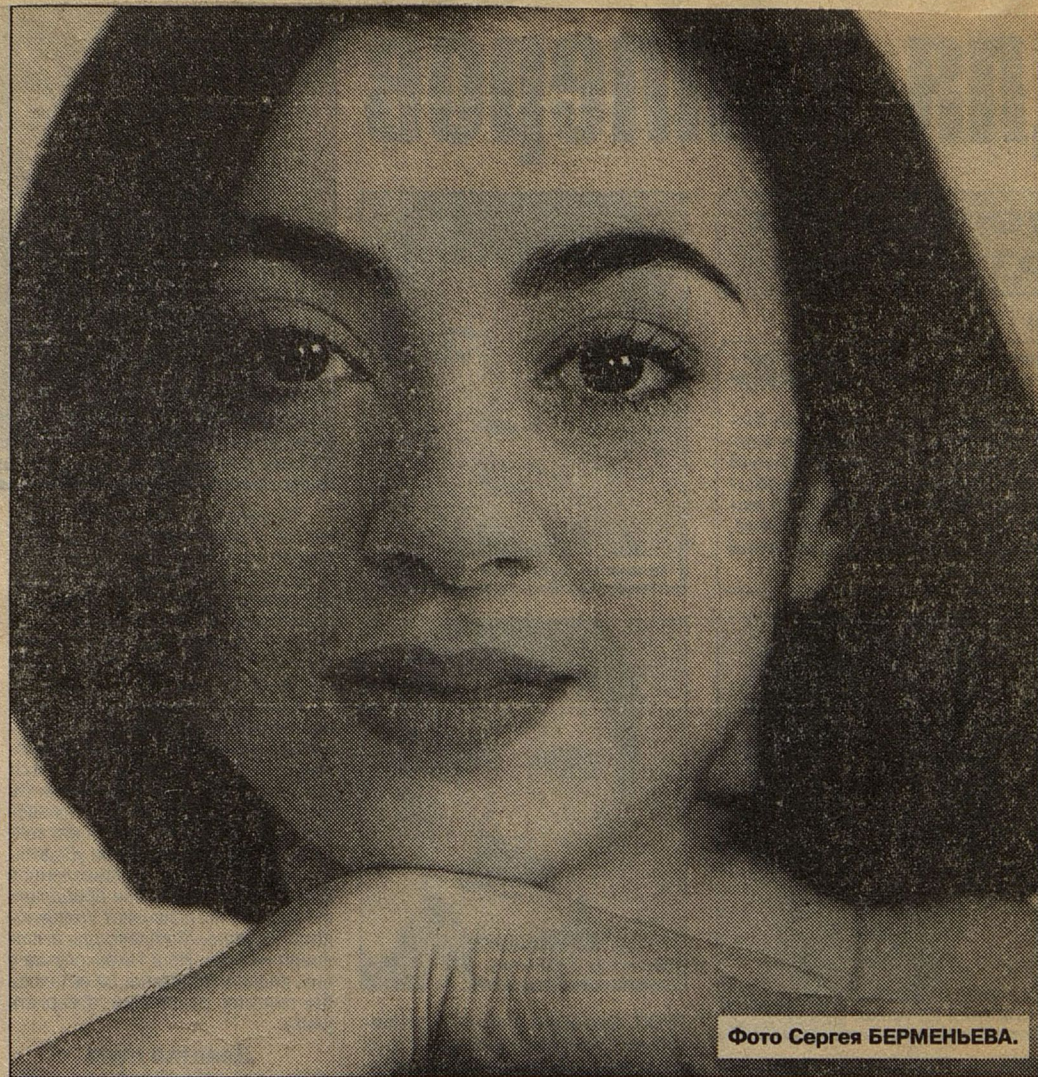

Фото Сергея БЕРМЕНЬЕВА.